

УДК 94(470.41) "1941/1945"

А.Ш. Кабирова

**ВОЙНА И ЛЮДИ: ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ СЕМЕЙ ФРОНТОВИКОВ
В ТАТАРСТАНЕ В 1941–1945 гг.**

Рассматриваются вопросы организации государственной помощи семьям военнослужащих в годы Великой Отечественной войны. Используемые в работе архивные документы и материалы, многие из которых в советский период истории по идеологическим соображениям замалчивались, позволяют во многом по-новому рассмотреть проблемы социального обеспечения населения в военный период, оценить эффективность работы властных структур, вскрыть имевшиеся в этой системе недостатки.

Ключевые слова: Вторая мировая война (Великая Отечественная война), Республика Татарстан, семьи фронтовиков, социальная защита, пенсии, пособия.

Воссоздание объективной, свободной от идеологических штампов и стереотипов истории Великой Отечественной войны является сегодня настоятельной необходимостью. Привлечение мало известных в советский период истории документов, замалчиваемых ранее по политическим соображениям, дает современным исследователям такую возможность. Пожалуй, самыми нераскрытыми аспектами военной темы продолжают оставаться проблемы социальной политики, связанные с анализом реальной повседневной жизни каждого человека под прессом чрезвычайных обстоятельств. В данной статье мы хотим рассмотреть механизм государственного обеспечения семей фронтовиков в годы войны на материалах Татарстана, причем с акцентом на не востребуемые в советской историографии документы республиканских архивов. Они раскрывают негативные явления в жизни наших соотечественников, показывают недоработки или упущения в деятельности партийных и советских органов, позволяют оценить степень решенности поставленных самой жизнью вопросов. В советской историографии такого рода документы, как правило, оставались «за гранью исследований» ученых, так как изначальная заданность параметров, пресс идеологической конъюнктуры не позволяли открыто говорить о подобном.

Годы Великой Отечественной войны стали временем, когда миллионы людей встали на защиту своей Родины. Мобилизация мужчин на фронт в одночасье причислила их родных и близких к семьям военнослужащих. Основным документом, регламентирующим взаимоотношения органов власти и семей фронтовиков в годы Великой Отечественной войны, являлся Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. «О порядке назначения и выплаты пособия семьям во-

еннослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время». В соответствии с ним по всей стране: в каждом городе, в каждом районе создавались комиссии, которые немедленно приступали к работе. Все заявления о назначении пособий комиссии обязаны были рассмотреть в трехдневный срок. Пособия семьям фронтовиков выплачивались ежемесячно по месту жительства в сумме от 100 до 250 руб. в зависимости от количества нетрудоспособных в семье. В сельской местности размер пособия уменьшался на 50%. Тогда же органы государственной власти на местах приступили к назначению и выплате пенсий семьям погибших на фронте воинов [1]. Семьям лиц, награжденных орденами и медалями, производились дополнительные денежные выплаты.

Сразу же после опубликования Указа в Татарстане развернулась работа по его реализации. В республике в годы войны проживало около 350 тыс. семей военнослужащих [2. Л. 153]. Здесь уместно напомнить, что Республика Татарстан в военные годы являлась одной из важных тыловых баз страны. Сюда из центральных и западных районов были эвакуированы огромные массы людей. Поэтому местные государственные органы обязаны были обеспечить выполнение Указа не только для коренных жителей, но и для вновь прибывших. Причем, кроме пенсий и пособий, семьям военнослужащих полагались значительные льготы по налогам, по оплате за квартиру, им должны были оказывать содействие при устройстве на временное место жительства, при определении детей в ясли и детские учреждения и т.д. Руководил размещением эвакуированных в республику граждан специально созданный Отдел по эвакуации при Совете Народных Комиссаров ТАССР во главе с З.В. Тинчуриным. Уже к началу сентября

1941 г. в республику прибыло более 176 тыс., а всего к весне 1942 г. – 266 тыс. человек [3. С. 78].

Огромное количество эвакуированного населения необходимо было одеть, обуть, накормить, обеспечить жильем и работой. В литературе советского периода долгое время господствовала лишь одна, официально утвержденная точка зрения об оказании всемерной помощи переселенцам. Не умаляя роли государственных органов по обустройству вновь прибывших, хочется, однако, отметить, что довольно часто встречались и примеры бездушного, бюрократического отношения к эвакуированным. Типичной в этом плане является жалоба жены военнослужащего Е.М. Барсуковой, приехавшей с семьей из Калининской области. Ей вместе с детьми пришлось в спешном порядке уезжать с насиженного места, когда город уже бомбили, поэтому ни теплой одежды, ни денег у них не оказалось. Прибыв в колхоз «Огонек» Ново-Сумароковского сельсовета Бугульминского района республики, она в течение нескольких месяцев обращалась за помощью к начальникам разного ранга, но ни от кого не получила поддержки [4. Л. 100]. В подобной же ситуации оказалась эвакуированная в г. Чистополь из г. Ахтырки Сумской области семья военнослужащего П.Ф. Штенникова в составе его жены и пятерых детей в возрасте от 1 до 11 лет. Никто из местного начальства не навестил эту семью, не поинтересовался, в каких условиях они живут, в чем нуждаются. Более того, в одно из посещений горкома партии жене П.Ф. Штенникова в грубой форме было заявлено: «Вас сюда наехало много, квартиру не дадим» [5. Л. 1]. Но, к сожалению, даже у тех, кто устроился, жилищные условия оставляли желать много лучшего. В архивных фондах хранятся документы, свидетельствующие, например, о том, что в «квартире семьи военнослужащего А.И. Семенова холод – –3–5 градусов, даже замерзли все цветы». Или, что «отец красного командира Д.Я. Рогожина в комнате замерзает» [6. Л. 28, 33].

Особенно нелегко приходилось тем, кто, устроившись жить в частные дома, зачастую зависели от настроения и взбалмошности хозяев. Так, в июне 1942 г. жена капитана Москалева обратилась в городской совет г. Бугульмы с просьбой защитить ее от произвола хозяйки комнаты. Осенью 1941 г. она договорилась с ней об аренде комнаты за 50 рублей, но уже весной 1942 г. последняя без каких-либо объяснений потребовала освободить помещение со словами: «Дом мой, что хочу, то и делаю» [4. Л. 45]. Многократные хождения обиженной женщины по инстанциям ничего не дали.

Более того, в данном конкретном случае председатель городского совета не стал решать этого вопроса, посчитав его «не своим делом». Как видим, обязанные по долгу службы заниматься созданием нормальных материально-бытовых условий для приезжих чиновники государственных и советских органов не всегда делали это должным образом.

Да и в части назначения пенсий и пособий не все обстояло благополучно. В условиях усиления централизации госаппарата, развития бюрократических структур принимаемые решения нередко выполнялись лишь на бумаге, а выделяемая государством помощь не всегда доходила по назначению. Например, в колхозе «Дружба» Змеевского сельсовета Чистопольского района Татарстана отпущенные в начале 1942 г. райисполкомом пособия не дошли до адресатов. Жены военнослужащих должны были получить по 50–80 рублей на семью, что всего по ведомости составило 990 рублей. Не дождавшись выполнения обещанного, в июне они обратились в редакцию «Красной Татарии», где писали об этом следующее: «..Вот уже июнь, кончается второй квартал, но оно (пособие. – А.К.) нам не выдано. На каждое наше обращение – один ответ: «Денег нет, ждите, когда будут, выдадим». И далее с возмущением спрашивали: «В январе за 50 рублей можно было купить хоть пуд картофеля, а теперь? Когда же будет конец этому «нет?»» [7. Л. 83].

Некоторые районные отделы соцобеспечения прямо допускали грубые нарушения закона как в части сроков назначения и выплаты пособий и пенсий семьям фронтовиков, так и в определении их размеров. Достаточно сказать, что на 1 марта 1943 г. при приеме дел от райисполкомов по 21 району Татарстана было установлено недоплат в 221,7 тыс. рублей. Особенно большие недоплаты отмечались по Балтасинскому и Кайбицкому районам республики (соответственно 55,4 тыс. и 79 тыс. рублей) [8. Л. 103–104]. К тому же были установлены нарушения сроков рассмотрения заявлений. Вместо положенных 3 дней встречались случаи, когда заявления лежали нерассмотренными по 1–3 и более месяцев.

Между тем вопрос социальных выплат для многих семей военнослужащих являлся «вопросом жизни и смерти». Государственная помощь большинству из них давала возможность элементарно хоть как-то свести концы с концами. Введение централизованного нормированного снабжения на основе карточной системы, на которое многие рассчитывали, не снимало острейшей продовольственной проблемы. Паяк часто не соответствовал

общесоюзному, к тому же выдавался с нарушениями и не в полном объеме. Весьма показательным в этом отношении является письмо 50 эвакуированных из села Старое Иванаево Чистопольского района республики. Не найдя решения своего вопроса на местном уровне, они были вынуждены обратиться в центральную газету республики «Красную Татарию». В заметке «Нас забыли» от 21 апреля 1942 г. они писали: «Обращаемся к вам за содействием – снабдить нас и наших детей продуктами. За январь, февраль и март мы ничего не получаем, кроме хлеба, тогда как город Чистополь своих пайщиков снабжает сейчас конфетами или сахаром за февраль. Сахарный песок привезен, но на него наложена броня на военные нужды...» [7. Л. 48]. Только после опубликования статьи людям были отпущены положенные им по закону продукты. Судя по архивным документам, согласно накладной были выданы: мясо говяжье – 13 кг, колбаса – 13 кг, сахарный песок – 10,4 кг, масло топленое – 10,4 кг, мука пшеничная – 52 кг и ряд других продуктов [7. Л. 46].

Аналогичные проблемы испытывали и семьи военнослужащих, размещенные в селе Алексеевская Слобода Заинского района Татарстана. Обращаясь с жалобой в Президиум Верховного Совета республики в 1942 г., они указывали, что «в сельсовете Алексеевская Слобода эвакуированным не было оказано никакой помощи... Зимой многие семьи голодают... Вместо муки выдается немолотый овес. Соль задерживается по несколько месяцев, отчего развивается соляной голод...» [9. Л. 169]. В Альметьевском районе Татарстана в 1943 г. были зафиксированы нарушения в графике выдачи хлеба приезжему населению, которые составляли от 3 до 8 дней ежемесячно, а с 1 октября по 21 ноября того же года было отмечено произвольное занижение положенных норм хлеба, когда вместо 400 граммов хлеба выдавалось только по 300 [10. Л. 148]. Во многом это было связано с неудовлетворительной работой трестов «Главмука» и «Мельтрест», не вырабатывавших предусмотренные планами количество муки, а также ненадлежащей эксплуатацией имеющегося в наличии этих организаций транспорта, призванного обеспечивать подвоз продуктов для выпечки хлеба.

Положение усугубляли случаи группового воровства и хищения продуктов. Например, в системах «Заготзерно», «Главмука», районных потребсоюзах ежемесячно возчики трестов «Заготзерно» и «Главмуки» расхищали более 8 т хлеба. В целом за 1943 г. хищения и недостачи в системе «Заготзерно» составили свыше 6,5 тысячи центнеров зер-

на, по предприятиям «Главмука» – 1784 центнера [11. Л. 42].

Конечно, в годы войны продолжали функционировать рынки, и здесь можно было найти необходимую продукцию. Но цены на рынках были запредельными. По данным Российского Центрального государственного архива социально-политической документации в Москве, стоимость 1 кг картофеля за два года войны в Татарстане выросла с 2 до 25 руб., капусты – с 2 до 40 руб., говядины – с 28 до 280 руб., свинины – с 28 до 250 руб. [12. Л. 7]. В среднем, цены на рынках крупных городов были выше довоенных в 13 раз и превышали уровень цен на продукты, продававшиеся по карточкам, в 20 с лишним раз [13. С. 285]. Расхищенные продукты тоже в основном сбывались с рук на рынках республики. Эти документы и материалы позволяют по-новому взглянуть на картины реальной действительности военного времени. Экстремальные условия раскрывали истинную сущность каждого человека, его мысли и чувства. Некоторые жили по принципу «Кому – война, а кому – мать родна».

Но вполне очевидным представляется тот факт, что позволить себе приобретать дополнительные продукты питания в колхозной торговле по завышенным ценам могла лишь очень небольшая часть граждан. Большинство же населения без государственной поддержки вообще не смогло бы элементарно выжить. Тем более было обидно, когда их надежды на помощь не оправдывались.

Нормой в военное время стали обращения к партийным руководителям. Например, доведенная до отчаяния Ф.С. Баринова пишет в своем письме секретарю Чистопольского райкома ВКП(б) тов. Матвееву: «Обращаюсь к Вам с просьбой помочь в нужде моей. Я являюсь женой командира-фронтовика РККА. Муж мой работал в райкоме 4 года, с первых дней войны мобилизован. Я осталась одна с тремя малолетними детьми... Положение мое очень тяжелое, прямо безвыходное. В течение всего времени войны я не получала никакой помощи от райкома, в то время как мне должны были помочь, так как работники райкома сами были всем обеспечены. А к моей семье, семье фронтовика, не было уделено никакой заботы... У меня нет ни полена дров, ни пол-литра керосина, никаких запасов продуктов и овощей на зиму... Дети у меня голодные, на почве истощения болеют. Я не знаю, что мне делать, у меня опускаются руки... Прошу Вас войти в мое положение и помочь» [6. Л. 335–336].

Проявления безответственного отношения чиновников соответствующих структур к своим

должностным обязанностям, бездушные к оставшимся в тылу семьям вызывали тревогу фронтовиков, беспокойство за судьбу жен, матерей, детей. Нередко, не надеясь на должное рассмотрение личного заявления, они обращались к командованию части, в которой служили, или к начальнику госпиталя, где находились на лечении, с просьбой написать официальное письмо на имя руководителей того района, где проживали их близкие. Например, 14 декабря 1942 г. в Альметьевский РК поступило письмо от командира 844 БАО подполковника Синева и его заместителя по политчасти Лишанского. В документе говорится: «Прошу оказать помощь семье военнослужащего – зам. политрука 844 БАО тов. Б.К. Казакевича. Его семья в составе: бабушки Алексеевой Г.К. – 82 лет, матери Казакевич Л.И., двоих сестер, брата, из которых одна сестра – инвалид, а двое других – малолетние дети. Семья испытывает крайние материальные затруднения, семья нетрудоспособна, находится на иждивении тов. Казакевич Б.К. и нуждается в помощи по предоставлению жилой площади, снабжении дровами и продовольствием. Все эвакуированы из г. Ленинграда. Командование части считает, что Казакевич заслуживает того, чтобы его семье была оказана материальная помощь» [14. Л. 10].

Подобные ходатайства были массовым явлением. Более того, осознав, что на такие запросы ответы приходят гораздо быстрее, а оказываемая помощь является более существенной, некоторые граждане сами просили близких об этом. Так, гражданка Данилова обращается к Белянину Александру: «Не могу описать в письме нашего голода, паек получаем ненормально... Напиши письмо, чтобы помогли твоей семье. Напиши в райком, попроси, чтобы помогли твоим детям, ведь ты не отдыхаешь, а защищаешь Родину, а семья выбивается из всяких сил» [15. Л. 17].

Учитывая, что приведенные выше факты являлись далеко не единичными и признавая нетерпимость такого рода отношения к семьям фронтовиков в годы войны, 22 января 1943 г. ЦК ВКП(б) был вынужден принять постановление «О мерах улучшения работы советских органов и местных парторганизаций по оказанию помощи семьям военнослужащих». Согласно ему при Совнаркомх республик и областей и исполкомах городских и районных Советов в начале 1943 г. были созданы специальные отделы по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих. Они должны были следить за правильным и своевременным назначением и выплатой пособий и пенсий семьям фронтовиков и инвалидам

войны, контролировать реализацию предоставленных им льгот, трудоустраивать членов семей военнослужащих, разбирать заявления, жалобы последних и др.

За девять месяцев 1943 г. в районах Татарстана было выявлено более тысячи семей фронтовиков, которые не получали пособий, хотя имели на это полное право. С апреля по декабрь того же года 19160 семьям было оказано содействие при устройстве на работу, 136160 семей получили материальную помощь [16. С. 147]. Уже к 1 июля 1943 г. в детских учреждениях было размещено 30168 детей фронтовиков [17. Л. 109], им выдавались бесплатные завтраки в школе, нуждающиеся получали одежду и обувь. Был создан и специальный фонд помощи семьям фронтовиков. В течение 1943–1944 гг. в этот фонд по республике было собрано 13 млн. рублей деньгами, большое количество продовольственных и промышленных товаров [16. С. 12–13]. Но, к сожалению, основным источником финансирования социальной помощи продолжали оставаться государственные структуры, тесно связанные с командно-бюрократическим аппаратом управления. Поэтому неудивительно, что и постановление от 22 января 1943 г. не смогло полностью решить проблем оказания помощи семьям фронтовиков. В архивах и прессе военных лет в 1943–1944 гг. продолжают встречаться заявления и заметки, отражающие случаи негативного отношения к их нуждам и запросам. В целом по Татарстану в военные годы (на 1 января 1945 г.) семьям фронтовиков и инвалидам войны государство, по официальным данным, выплатило пособий и пенсий на общую сумму 801,5 млн. рублей [18. С. 39]. Эти денежные выплаты были значительным подспорьем для оставшихся в тылу людей. Однако приведенные выше материалы документального характера доказывают, что не всегда помощь, оказываемая членам семей фронтовиков, была эффективна и своевременна.

Таким образом, анализ архивных документов и материалов показывает, что в годы войны в Татарстане в целях поддержки семей военнослужащих проводилась большая работа. Государственный механизм социального обеспечения родных и близких фронтовиков включал следующие формы: инвалидам и семьям погибших воинов назначались пенсии, семьям личного состава армии – пособия, инвалидам оказывалось содействие в трудоустройстве и профессиональном обучении, при необходимости обеспечивалось их содержание в домах-интернатах и специализированных учреждениях. Для большинства населения помощь государства в вопросах выживания являлась опреде-

ляющей. Вместе с тем отмеченные случаи бездушно-бюрократического отношения чиновников, расхищение денежных средств, срывы продовольственного снабжения никак не соответствовали провозглашенной властями политике чуткого отношения к нуждам семей военнослужащих. Черствость, невыполнение должностных полномочий отдельными сотрудниками вызывали неприятие со стороны людей, порождали негативное отношение к властным структурам. В свою очередь, подобные действия чиновников наносили как материальный, так и моральный вред самому государству, а потому соответствующие органы отслеживали такие правонарушения и стремились их искоренять.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Правда*. 1941. 27 июня.
2. Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан. (ЦГА ИПД РТ). Ф. 15. Оп. 25. Д. 16.
3. Гильманов З.И. Татарская АССР в Великой Отечественной войне. Казань, 1977. 296 с.
4. ЦГА ИПД РТ. Ф. 86. Оп. 1. Д. 355.
5. ЦГА ИПД РТ. Ф. 48. Оп. 3. Д. 307.
6. ЦГА ИПД РТ. Ф. 48. Оп. 3. Д. 291.
7. ЦГА ИПД РТ. Ф. 48. Оп. 3. Д. 290.
8. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. Р-3610. Оп. 1. Д. 399.
9. НА РТ. Ф. Р-3610. Оп. 1. Д. 383.
10. НА РТ. Ф. Р-3610. Оп. 1. Д. 329.
11. ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 704.
12. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 88. Д. 323. Ч. 1.
13. *История СССР*. Т. X. М., 1974. 354 с.
14. ЦГА ИПД РТ. Ф. 273. Оп. 1. Д. 221.
15. ЦГА ИПД РТ. Ф. 86. Оп. 1. Д. 402.
16. Татарская АССР в годы Великой Отечественной войны: Сборник документов и материалов. Казань, 1948.
17. НА РТ. Ф. Р-3610. Оп. 5. Д. 62.
18. *25 лет Татарской АССР. 1920–1945*. Казань, 1945.